

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ (ПО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ НАПРАВЛЕНИЮ: ПРАВОСЛАВИЕ, ИСЛАМ, ИУДАИЗМ) / THEORETICAL THEOLOGY (IN THE RESEARCH AREA: ORTHODOXY, ISLAM, JUDAISM)

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.133.85>

УЧЕНИЕ О СВЯТОМ МУЧЕНИЧЕСТВЕ В ТРУДАХ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА ИППОНСКОГО

Научная статья

Храмешин С.Н.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-1074-0649;

¹ Славяно-Греко-Латинская Академия, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (profes.inter[at]gmail.com)

Аннотация

В научной статье рассматривает религиозно-философское учение блаженного Августина о мученичестве и святости. Для Августина было важно не описать жизни святых мучеников, а найти религиозно-философский и теологический смысл мученичества. Для этого он в своих «Рассуждениях» синтезирует все имеющиеся у него данные о святых мучениках и связывает их со Священным Писанием. Ранее в религиозно-философской литературе не обращалось особого внимания на этот аспект в учении блаженного Августина как некоего историософского феномена. Вместе с тем проведенный в статье анализ раскрывает как отдельное направление в религиозной философии святого отца как «учение блж. Августина о святом мученичестве». В результате исследования также установлено, что для блаженного Августина, путь христианина к святости полностью зависит от непосредственных отношений со Христом и ближним: с одной стороны, жизнь во Христе есть основание вечного счастья, а с другой стороны, христианин в свою очередь предлагает другим свой вид от своего дара, с целью укрепления связи во Христе. Религиоведческое и философско-антропологическое исследование религиозной философии блаженного Августина выраженное в «учении о святом мученичестве» позволило выделить его в отдельный феномен в трудах Иппонийского святителя, который во многом предопределил дальнейшее развитие концепции мученичества прежде всего в западно-христианском богословии как юридическое свидетельство истинности веры во Христа.

Ключевые слова: мученичество, святость, Августин.

THE TEACHING ON HOLY MARTYRDOM IN THE WORKS OF BLESSED AUGUSTINE OF HIPPO

Research article

Khrameshin S.N.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-1074-0649;

¹ Slavic Greek Latin Academy, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (profes.inter[at]gmail.com)

Abstract

The research paper examines the religious and philosophical teaching of Blessed Augustine on martyrdom and holiness. For Augustine, it was important not to describe the lives of holy martyrs, but to find the religious-philosophical and theological meaning of martyrdom. For this aim he synthesizes in his "Revelations" all the data he had on the holy martyrs and relates them to the Holy Scriptures. Earlier in religious-philosophical literature, no special attention was paid to this aspect of Blessed Augustine's teaching as a certain historiosophic phenomenon. At the same time, the analysis carried out in the article reveals as a separate direction in the religious philosophy of the holy father as "Blessed Augustine's teaching on holy martyrdom". The research also establishes that for Blessed Augustine, the Christian's path to holiness depends entirely on a direct relationship with Christ and neighbour: on the one hand, life in Christ is the foundation of eternal happiness, and on the other hand, the Christian in turn offers others his views from his gift, with the aim of strengthening the bond in Christ. The religious and philosophical-anthropological study of Blessed Augustine's religious philosophy expressed in the "teaching on holy martyrdom" made it possible to identify it as a separate phenomenon in the writings of the Hippionic saint, which in many ways predetermined the further development of the concept of martyrdom primarily in Western Christian theology as a juridical witness to the truth of faith in Christ.

Keywords: martyrdom, sainthood, Augustine.

Введение

Августин очень мало упоминал мученичество и святость как таковые. Для него важно было понять их значение и роль, чем описание жизни мучеников и святых, то есть смысл их мыслей и поступков. Такой подход понятен, потому что его интерес состоял не в том, чтобы изолировать и отделить эти аспекты с целью строго доктринального анализа, а, напротив, в том, чтобы синтезировать и свести воедино все данные и информацию, которыми он располагал в отношении мучеников или святых, на которых он ссылался в своих «Рассуждениях», чтобы сделать их уникальной моделью, знакомой и реальной [15, С. 107-123]. Его конечной целью было вдохновить верующих следовать за мучениками и подражать им в их борьбе за вечную жизнь. В своих описаниях африканский богослов прибегает к различным темам и красочным образам, которые призваны не только обогатить, но и облегчить воображение слушателей, чтобы весть проповеди как можно быстрее проникла в их сердца.

Учение о мученичестве

Мученичество, т. е. святость крови, может быть определено как безразличное, своевольное и в то же время славословное принятие мучительной смерти, как подражание распятию Богочеловека или как насильственное, болезненное, но в конечном счете долгожданное ускорение встречи со Христом. Августин всегда явно восхищался мучениками. Он говорил верующим об их героических подвигах, увещывая их не поддаваться давлению языческих государственных властей и оставаться стойкими в вере до конца, как это делали мученики: «Так они, пред лицом ужаса мира и его гневного рыка против их устойчивости, они остались непоколебимы в вере» [1]. Используемый в русском языке термин «мученик» является переводом греческого слова «свидетель», которое, в принципе, относится к юридической терминологии [7, С. 42] и обычно используется для обозначения того, кто в качестве очевидца и слушателя дает разъяснения по поводу реальных масштабов конкретного события [3], [9]. В первые 150 лет христиане стали использовать слово «мученик», чтобы называть тех, кто был убит насильственной смертью [2], [3] и своей кровью или своей личной жертвой засвидетельствовал свою веру [3], [10]. Это слово вошло в латинский язык как «мученик» и функционировало вместе со своим латинским эквивалентом «свидетель», имевшим то же значение: тот, кто исповедуется, подобно мученикам Истины, которые, несмотря на страдания, которым они подверглись, не отреклись от Спасителя Христа: «Так имя мученик, что по-латыни означает свидетель (свидетельствующий), давалось тем, которые по воле Божией несли это свидетельство через свои страдания и смерть» [5]. Имя мученика также связано с образом страсти к засвидетельствованной истине, боли. Августин ставит на одну шкалу антиюридическую ситуацию истинного признания свидетелей со словами автора Псалмов: «Всякий человек есть ложь» (Гал. 115, 2). В своем комментарии святой Августин доказывает, что мученики — как настоящие люди — являются исповедниками Истины: «На то они и мученики, что пострадали за истину: итак, свидетель — это греческое слово, которое на латыни называется *testis*. Итак, по этой причине они были настоящими свидетелями, потому что они говорили правду и, говоря правду, приняли венец мученичества» [5].

Чтобы точнее определить это мученическое рождение, Августин проводит сравнительный анализ между ним и физическим рождением мучеников. Он хочет таким образом показать превосходство мученического рождения, которое вместе с Крещением освобождает нас от первородного греха, унаследованного нами через физическое рождение. Таким образом, мученичество кровью затравленных становится вторым Крещением [13, С. 22-26]. Если Крещение имело роль стирания первородного греха, запечатлевшегося в человеческой природе, то последнее способствовало стиранию накопленных при жизни грехов. Конечно, акт мученичества сам по себе не стирает грехи, но Господь освобождает от них, как милостивый и справедливый Судья. При физическом рождении человек выходит из тьмы чрева в материальный мир, а мученичество есть переход из тьмы физической природы в божественный свет: «Количество его рождения «с телом» мы не знаем, а поскольку сегодня он принял мученическую смерть, сегодня мы празднуем его рождение. Но мы бы не праздновали бы дни, даже если бы знали, когда это было. Ибо в тот день он соприкоснулся с первородным грехом, тогда как в этот день он победил все грехи. В тот день из гнусного чрева Он вышел к тому свету, который так манит очи тела, но, как и ныне, из глубины чрева близкой природы, направились к тому свету, который так счастливо и благословенно освещает видение ума». Распространяя эти идеи на практический уровень, блаженный Августин имеет и моральную цель, хотя на первый взгляд она может показаться второстепенной. Он таким образом пытается подчеркнуть, что и на уровне личном, и на уровне коллективном мы должны отдавать приоритет церковным и потому божественным действиям, спасительным и благодатным, а не мирским и эфемерным, не имеющим высшей ценности, а наоборот, они могут вводить в заблуждение души и нести тьму. Относительно вышеизложенного мы находим подобное учение у восточных отцов, которые считали мученичество равным крещению, если не превосходящим его. В Апостольских Постановлениях сказано, что мученичество более подлинно, чем крещение, так как последнее есть символическое (прообразное) умерщвление ветхого человека, а первое есть реальное пересечение (опыт) верующего со Христом. Таким образом, смерть мучеников должна считаться крещением покаяния и спасения, ибо «как водою крестятся, так и свидетельствовавшие о Боге омываются кровью» [8]. Мученичество, как добровольное подражание Страстям Господним, отождествлялось первой Церковью с крещением, считалось выше «водного» крещения и «даром», дающим полное отпущение грехов [12, С. 102-107]. Другой сравнительный анализ проводится между рождением Христа и рождением первого христианского мученика архидиакона Стефана. В этом случае сравнение производится на другом уровне. У него уже не педагогическая роль, а онтолого-теологическая [11, С. 70-83]. Хотя Бог и Слово Божие есть Истинный Бог, по Своему рождению как человек Он облачается в одежду нашего естества и уподобляется нам, тем самым возвышая нас до положения сыновей Божиих и братьев Спасителя Христа. Мученик во время своих страстей, т. е. своего рождения, снимает с себя человеческие одежды, приближаясь по духу ко Христу: «Вчера праздновали мы Рождество Господне, сегодня празднуем рождение Твоего раба. Но мы праздновали Рождество Господа, потому что он был достоин родиться, мы празднуем рождение Твоего раба, потому что он был увенчан. Мы праздновали рождение Господа, потому что он принял одеяние нашего тела; мы празднуем рождение Твоего слуги, потому что он освободился от облачения своего тела. Мы праздновали Рождество Господа, потому что он стал подобен нам, мы празднуем рождение Твоего раба, потому что он стал ближе всех к Господу. Таким образом, подобно тому, как Христос родил Стефана, опять же, таким образом, умирая, Стефан соединился с Христом» [6]. Проводится оригинальное сравнение между мучениками и деревянными бревнами, вернее кубами, из которых был построен Ноев ковчег, прообраз Церкви. Главное свойство этих деревяшек в том, что, как бы вы их ни уронили на землю, они остаются в вертикальном положении. Блаженный Августин отождествляет совершенство мучеников (квадратные палки), с одной стороны, и страсти, которым они подвергались (бросание палок на землю), с другой. Вырисовывается достоинство мучеников, проистекающее из их смирения (стояния прямо): «Мученики низвержены на землю унижений, но не отступили, потому что на небесах они венчаются. Не было ни одного свидетеля, который бы не стал правдой (от правды)» [6].

Заключение

Резюмируя основные мысли «Проповедей» Августина о святых и мучениках, мы можем заключить следующее: в понимание Августина мученичество есть рождение к вечной жизни, это переход от плотской тьмы к божественному свету. Выступая против «Церкви мучеников» донатистов, Августин изо всех сил пытался переопределить значение мученичества в соответствии с критериями Евангелия: правильное свидетельство (*testimonium*). Таким образом, оно заменяет обычное понятие жертвы, чтобы подчеркнуть ценность мученичества, происходящего из определяющей его причины, а не из акта страдания. Мученичество есть дар Божий, потому что и желание страстей, и самый порыв к мученичеству исходят от Бога. Мученичество есть высший акт, которым человек может воздать долг свой Богу за искупление Жертвы Твоей. Мученический венец есть божественная награда за кровавую жертву тех, кто за Христа мученически предстал перед своими гонителями и твердо стоял в православной вере. Верующие чтят память и подвиги святых мучеников религиозными торжествами и особенно совершением Святой Евхаристии [4]. Но высшая форма чести – это их подражание. Христиане – подражатели мученикам, как они были подражателями Христа Спасителя. Подражание мученикам должно осуществляться с точки зрения дела мученичества, и в то же время нам предоставляется возможность следовать за мучениками даже в мирное время. Святость есть свойство Бога, проявляющееся в мире, чтобы и человек мог участвовать в нем, это слава и свет Господа, разливающийся над существами. Святые и мученики излучают славу и свет, потому что находятся в личном общении со Спасителем Христом, обитателем святости.

В религиозной философии блаженного Августина «учение о святом мученичестве» можно выделить в отдельный феномен в трудах Иппонийского святителя, который во многом предопределил дальнейшее развитие концепции мученичества прежде всего в западно-христианском богословии как юридическое свидетельство истинности веры во Христа.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Augustini A. De correptione et gratia, liber unus / A. Augustini. — pl. 44-938.
2. Garbarino C.S. Reclaiming Martyrdom: Augustine's Reconstruction of Martyrdom in Late Antique North Africa / C.S. Garbarino. — Louisiana State University, 2007. — p. 2-3.
3. Βλάχος Κ. Μάρτυς και Άγιος στην Παλαιά Διαθήκη / Κ. Βλάχος. — AMZE. — pl. 9-36.
4. Rosenblum E. The New Editions of the "Acta Martyrum" / E. Rosenblum. — 2019.
5. Αυγουστίνος Ι. Contra Faustum manichaeum libri XXXIII / Ι. Αυγουστίνος. — pl. 207-518.
6. Αυγουστίνος. Sermo / Αυγουστίνος. — pl. 38.
7. Γαλίτης Γ.Η. έννοια του Αγίου και του Μάρτυρα στη Καινή Διαθήκη / Γ.Η. Γαλίτης. — AMZE. — p. 37-45.
8. Φρυσόστομος Ι. Είς τόν άγιον μάρτυρα Λουκιανόν / Ι. Φρυσόστομος. — pl. 519-526.
9. Σερτυλλιανός. Apologeticum / Σερτυλλιανός. — 1939. — pl. 257-536.
10. Υφαντής Π.Α. Η αγιότητα του μαρτυρίου και η μαρτυρία της αγιότητας: θεολογικά μελετήματα / Π.Α. Υφαντής. — P. Pournarás, 2009.
11. Баева Л.В. Классические христианские ценности с позиции современной экзистенциальной антропологии * / Л.В. Баева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2007. — № 3. — С. 70-83.
12. Дьяченко О.Н. Сущность природно-телесного бытия в понимании человеческой личности в ранней патристике / О.Н. Дьяченко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 2(412). — С. 102-107.
13. Комаров А.С. Проблема свободы вероисповедания в раннехристианской мысли / А.С. Комаров // Вестник Ленинградского государственного университета им. АС Пушкина. — 2014. — Т. 2. — № 2. — С. 173-183.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Augustini A. De correptione et gratia, liber unus [Of Correction and Grace, One Book] / A. Augustini. — p. 44-938. [in Latin]
2. Garbarino C.S. Reclaiming Martyrdom: Augustine's Reconstruction of Martyrdom in Late Antique North Africa / C.S. Garbarino. — Louisiana State University, 2007. — p. 2-3.
3. Βλάχος Κ. Μάρτυς και Άγιος στην Παλαιά Διαθήκη [Martyr and Saint in the Old Testament] / Κ. Βλάχος. — AMZE. — p. 9-36. [in Greek]
4. Rosenblum E. The New Editions of the "Acta Martyrum" / E. Rosenblum. — 2019.
5. Αυγουστίνος Ι. Contra Faustum manichaeum libri XXXIII [Against Manichean Faustus book 33] / Ι. Αυγουστίνος. — p. 207-518. [in Latin]
6. Αυγουστίνος. Sermo [Talk] / Αυγουστίνος. — p. 38. [in Latin]
7. Γαλίτης Γ.Η. έννοια του Αγίου και του Μάρτυρα στη Καινή Διαθήκη [The Concept of Saint and Martyr in the New Testament] / Γ.Η. Γαλίτης. — AMZE. — p. 37-45. [in Greek]

8. Phrysostomos J. Εἰς τὸν ἅγιον μάρτυρα Λουκιανόν [On the Holy Martyr Lucian] / J. Phrysostomos. — p. 519-526. [in Greek]
9. Tertullianus. Apologeticum / Tertullianus. — 1939. — p. 257-536. [in Latin]
10. Υφαντής Π.Α. Η αγιότητα του μαρτυρίου και η μαρτυρία της αγιότητας: θεολογικά μελετήματα [Sanctity of Martyrdom and the Witness of Holiness: theological studies] / Π.Α. Υφαντής. — P. Pourmarás, 2009. [in Greek]
11. Baeva L.V. Klassicheskie hristianskie cennosti s pozicii sovremennoj jekzistencial'noj antropologii* [Classical Christian Values from the Perspective of Modern Existential Anthropology*] / L.V. Baeva // Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion, Church in Russia and Abroad]. — 2007. — № 3. — P. 70-83. [in Russian]
12. D'jachenko O.N. Sushhnost' prirodno-telesnogo bytija v ponimanii chelovecheskoj lichnosti v rannej patristike [The Essence of Natural-Bodily Being in the Understanding of Human Personality in Early Patristics] / O.N. D'jachenko // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. — 2018. — № 2(412). — P. 102-107. [in Russian]
13. Komarov A.S. Problema svobody veroispovedanija v rannehristianskoj mysli [The Problem of Religious Freedom in Early Christian Thought] / A.S. Komarov // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. AS Pushkina [Bulletin of the Pushkin State University of Leningrad, Russia]. — 2014. — Vol. 2. — № 2. — P. 173-183. [in Russian]